

БОМЖИ

На автобусной остановке, когда скапливаются люди, появляется рослый рыжеватый пес, помесь овчарки с дворнягой. Это наскоро слепанное природой в бродячих условиях рыжеватое существо с внимательными хитрыми глазами и чутко настороженными ушами хорошо адаптировалось в рыночных условиях.

Пес внимательно изучает пассажиров, заглядывая людям в глаза. Выбрав чаще всего какую-нибудь пожилую женщину с продовольственной сумкой, он начинает заученный ритуал выпрашивания. Прогибает спину, склоняет голову, смотрит просящим долгим взглядом и подобострастно машет хвостом. Но сам всегда настороже. Знает, что не все любят попрошайку. Правая задняя нога покалечена. На пробегающих мимо собак грозно рычит. Конкуренты. Он прошел суровую школу нищенства, заматерел. Родился от бродяг и закончит свои дни бродягой.

Другой собачий бомж, маленький, темно — рыжий, с торчащими ушами и по — азиатски реденькой ершистой бородкой на морде, все время отирается у крайнего подъезда нашей пятиэтажки, тоскливо взглядываясь в лица входящих и выходящих жильцов. Он ищет хозяина. А его все нет и нет. Может, съехал отсюда, а может, выбросил своего друга за ненадобностью. Такое сейчас сплошь и рядом. А песик-то домашний, к теплу привык. Холодно ему по ночам. Зима близится. Скоро настоящие морозы нагрянут с метелями и снежными сугробами.

Бегает песик вокруг ближайших домов, лает, воет по ночам. С бродячими собаками не общается, убегает от ребятни, к взрослым относится недоверчиво.

Вспомнилось, что несколько лет назад здесь уже был такой же бездомный пес, тоже маленький, только черный, лохматый. Его подкармливали прохожие, ребятишки играли с ним. Поймают, тормошат его, а он упадет на спину и повизгивает от удовольствия. Никто не обижал его. Так было целое лето. А потом он исчез. Хочется думать, что нашлись добрые души и пригрели, одомашнили бедолагу. Мир-то на таких держится. Иначе бы давно уже рухнула от жадности и злобы.

Возле гаражей во дворе ребяташки соорудили из коробок и досок два общежития. Одно для бродячих кошек, другое для собак. А сердобольные женщины ежедневно приносят туда остатки от обедов. Вот и пробивается этим все окрестное бездомное собачье население.

Несколько дней песика не было видно. Но потом снова послышался его голос. Сидит, как всегда, возле подъезда и лает с привыванием. Холодно.

Жалко песика. Набрал в пакет из холодильника еды и пошел кормить отшельника, собачьего сына. Тот съел кусочек, сел и посмотрел на меня благодарным долгим взглядом. Может быть, хотел показать, что не совсем одичал. И не подачки ему нужны, а верный хозяин.

Проблема собачьих бомжей, сбивающихся в голодные стаи, все более обостряется. Это очередной ответный вызов природы. В милых, верных, ласковых существах вдруг хищно просыпаются гены дикого прошлого. Братья наши меньшие требуют к себе должного внимания.

ЛЕВША ИЗ МАНЖЕРОКА

Недавно один из бийских литераторов, встретив меня, выдral исписанный карандашом лист из своего блокнота:

— Возьми. Был в селе Манжерок и там, в краеведческом музее, переписал материал об удивительном человеке с твоей фамилией. Может, сгодится для размышлений.

Я стал читать. Человек по прозвищу Манжерокский Левша прожил в селе Манжерок несколько десятилетий и умер в конце прошлого века.

Сообщение это заинтересовало, потому что фамилия моя встречается не часто даже в том сельском предгорном районе Алтая, откуда родом мои деды и прадеды. Судьба исконно крестьянского рода нашего оказалась трагической. Подрубали корни его и гражданская резня, и чума сталинских репрессий, и Великая Отечественная война. Перемололи жернова истории мужское племя моих родичей, оставив длинные списки имен на городских и сельских мемориалах, в архивах и Книгах Памяти. Вот и пошли ветви от родового ствола по женской линии, с другими фамилиями. А фамилия наша образовалась, прочитал у В. И. Даля в «Словаре», от названия домашнего скарба, всякой мелочи (orenбургский говор) — «шарарабара». С южного Урала, значит, пришли наши далекие предки на Алтай. Возможно, не по своей воле. Здесь и расселились. А корень рода там, в казачьей земле, остался. Там его искать надо.

Немного удалось узнать из блокнотного листа, но достаточно для того, чтобы представить этого человека. Его поступки, привычки, мысли. Его чудаковатость. Надо бы специально съездить в Горный Алтай, поговорить с теми, кто еще помнит Манжерокского Левшу...

Звали его Иваном. Жил он одиноко, работал пастухом по найму. Спал на сене в сарае. Такая у него была странность. А еще Иван был отменным мастером. Фигурки зверей и людей из дерева делал — загляденье! Работал левой рукой, потому и Левшой прозвали. А поделки раздаривал сельчанам и приезжим.

Иван был удачливым охотником и рыбаком, хорошо знал и любил Катунь, окрестную тайгу, горы. По осени уходил с ружьем на несколько недель заниматься промыслом. Жил в кордонах. А еще он умел объездить молодую лошадь, набросить аркан на жеребенка метров за тридцать и мог на лодке пройти любой перекат на Катуни.

Однако Манжерокский Левша остался в памяти односельчан прежде всего за то, что всегда был готов прийти на помощь тому, кто оказался в беде. Однажды он спас одного приезжего смельчака, что спьяну доплыл до скалистого островка посреди Катуни, где выдохся, замерз и готовился уже отдать Богу душу. Никто из местных не

решался подойти на лодке к скале. Уж больно сурова здесь Катунь — стремнины и водовороты. Бросились искать Ивана, которого нашли только к вечеру на дальнем кордоне.

Манжерокский Левша перебросил петлю аркана через протоку, зацепился за ма-
кушку скалы на острове, а другой конец веревки укрепил за дерево на берегу. Получи-
лась переправа, при помощи которой Иван спас едва живого, окоченевшего до си-
невы Робинзона, и снова молча ушел в горы.

Мне этот эпизод с переправой напомнил случай многолетней давности времен
моего студенчества.

Мы, несколько студентов, работали в археологической экспедиции, организован-
ной нашим краеведческим музеем, на раскопках стоянки древних людей на левом
берегу Катуни прямо за мостом у села Усть-Сема. Работы проводились в августе. В
один выходной день мой друг Саня, художник в отряде, парень сильный, решитель-
ный, приглядел на катунском островке, примерно в километре от лагеря, кедры с
шишками и, раздевшись, мощными саженками одолел протоку. Оказавшись на ост-
ровке, он набрал шишек, но плыть обратно не смог. Ни сил, ни смелости не хватило.
Вода грохочет, как ошеломленная, а он сидит в плавках на камнях и кричит нам, собрав-
шимся на берегу, напротив островка:

— Ребята! Помогите! Замерзаю!

Солнце к закату. Мы бегом в деревню за лодкой. Рыбаки дали старенькую плос-
кодонку. Сами плыть отказались. Посоветовали:

— Сразу выграбайте на середину реки, а потом — к носу острова. Там течения
сталкиваются, и образуется обратный поток. Только надо грести во всю мощь.

Саню мы выручили, но пережили немало страха за свою жизнь. Поэтому я проник-
ся особым уважением к своему незнакомому однофамильцу, Левше из Манжерока.

Был он коренаст, молчалив, смел и решителен в действиях. Но почему-то не об-
завелся семьей и не оставил потомства. Странно все это. А то, что он был человеком
стоящим,— правда истинная. Вон даже в музее о нем кто-то записки оставил. Значит,
не зря жил человек с моей фамилией на земле.

